

ЯНВАРЬ-43

Позади — белый сумрак
ушедшего прочь,
не похожего ни на вечер,
ни на ночь,
не боящегося ни совести,
ни огня, —
позади — белый сумрак
седого дня.

«Когда мы до победы с болью,
но доползем,
мы заставим их жрать порох
и чернозем!» —
говорили, блестя глазами,
над пареньком,
укутанным мерзлой кровью
и январем.

Поравнявшись с сугробом,
молчал солдат,
вспоминая, как раньше,
сто дней назад —
или двести — теперь
только черт поймет! —
он впервые вцепился
в свой пулемет.

И была безжалостна
его рука,

когда он впервые
застрелил врага

и продолжил холодно,
не молясь,
разряжать обойму
в чумную мразь

за убитых прошедшей ночью
и год назад,
за схороненных на высотах
и пустырях,
за снесенный угол
родной избы,
за горячую нитку крови
из губы!..

Над безглазым теперь Воронежем
нет ворон,
испугавшихся не бомбежек
и похорон,
а свирепости его преданных
сыновей,
истекающих черной кровью
донских степей.

Воет вьюга, как сотни страшных
железных птиц,
и в скелеты домов входит ветер —
в дыру глазниц.
От костра тени пляшут, солдаты смотрят
на огонек.
Не лампадный — да и не важно.
Хоть бы
уберег.

* * *

...А по той стороне растянулся сухой дым
И свернулся клубком, как на печке белесый кот.
От сожженных мостов —
только сваи.
И я к ним
Подойду, если все же придется идти вброд.

* * *

Я давно не была у порога родного,
И мне больно приехать назад:
Покосились ворота у храма художого,
Что когда-то казался пузат.

Нет ни капель вина, ни дыхания жизни.
В нем уже не толпятся, шумя, по утрам.
Ему вечный помин, и лишь ворон на тризну
Залетит в продуваемый храм.

Спину гнет колокольня, морозы почуяв.
Не слышна тропарей монотонная речь.
Позабытую миром старушку хромую
Богу здесь не сберечь.

Куполами примято земли покрывало,
Через щель на стене — весь алтарный проем.
Мы поможем вернуть красоту Нотр-Дама —
А свою не спасем.

* * *

На полях — стерня, заболочен лог,
Кружит колея через топь дорог.
Где река текла, через бор сырой
Девка Анка шла с ключевой водой.

Повернет домой: по пути — погост,
У крестов сухой наберет хворост.
Упадет на лоб золотая прядь —
Среди всех зазноб не найти под стать.

Издальече знал девкин сарафан
И трусливо ждал молодой цыган.
Он напал и взял красоту и пыл —
Не слышал никто, кроме могил.

Выли бабы день и кричали ночь —
Как глухая тень, мать глядит на дочь.
Была девка-кровь, острое ножа,
А теперь она будет не нужна.

А года — идти, не ссыкаться — муж,
По тому пути Анка ходит уж.
Больше века ей, но и в свет, и в мрак
Взор из-под бровей не поднять никак.

Где река текла, со своей клюкой
Девка Анка шла с ключевой водой.
Каждый волос скрыть надо под платком
И пойти топить свой студеный дом.

ВЕСНА?

За зеленой весной — тишина,
И не слышат деревья ни звука.
Я давлю слишком нервно на
Кособокий пробел ноутбука.

За окном небеса — сини,
Резко пахнет сырой сиренью,
И белесые корабли
Раскидали большие тени.

Самолеты летят домой
И морщинят небесный саван.
С непокрытою головой
Рвется женщина в двери храма.

Где-то злится гроза сварливо
И вразвалку сюда идет
С небывалой доселе силой
Покарать наш людской род.

По прозрачной сухой жаровне
Где-то вплавь, а местами — вброд
Мимо старой больной часовни
Желтый лист плывет.

Прикоснулся он чуть устало
К растрепавшимся волосам
Той, убитой в дверях храма,
Не допущенной к образам.

А потом будто бы легко
Закружился безмолвно и,
Умирая, влетел в окно
И упал на ладони мои.

ГОЛОЛЕД

В городе оттепель, в городе тает воздух,
Трубы укутаны шарфом табачного дыма.
В городе пробки, автобус уполз, и поздно
Переродиться в себя, как когда-то было.

Ежится пепел-сугроб, до земли промокший.
Ноги залил Иордани проспект ватный.
А под водой только тоненький лед, и подошва
Тихим предателем вбок и чуть-чуть обратно.

Скользко себя удержать, чтоб звучало гордо,
Чтобы колени — не в кровь и синяк саднящий.
Тяга к падению или сама природа
Свергнут тебя к миллионам других пропащих.

Как собачонка скулит над разбитой лапой
И умоляет душе дать покой и отдых,
Толпы людей, поскользнувшихся вдруг когда-то,
Тонут в холодных проспектных святых водах.

Нет и не будет ковчега и голоса свыше,
Сгинет в тумане пророк, как смиренный безумец, —
Только подтаявший снег со стальной и покатою крыши
Ринется лезвием вниз на Помпеи больших улиц.

* * *

В тихий ноябрь спущусь с косогора.
Лес молчалив. Гулко дятел стучит.
Чувствует мир: неизбежно и скоро
Все насовсем замолчит.

Вместо травы — иссыхание листьев,
Прелость земли — саркофаг для корней.
Дуб на плече у товарища виснет,
С жизнью прощаясь своей.

Маленький клен жметя к мамочке рóдной
В траурном платье из черной листвы.
Не обнажившись, смущенно и гордо
Ждет она миг темноты.

Лес не отпустит: в агонии хладной
Тонкими пальцами веток и жил
Держит за плечи и руки и жадно
Пьет и тепло, и остаток сил.

Рвется дыхание, и не взобраться
Вверх по крутому подолу холма.
Листья шуршат и ползут обниматься...
Дышит зима.